
МЕМУАРЫ

Николай Макаров
(г. Тула)

РЯДОМ С КОСМИЧЕСКИМИ ПОЛЕТАМИ

Николай Алексеевич Макаров — наш постоянный автор (см. «ПЗ» № 1, 2009), военный врач, майор медицинской службы в запасе. Детский писатель, литературовед. Ниже публикуется глава из его подготовленной к изданию книги «Записки батальонного врача».

...Шесть лет. Шесть лет, с апреля 1975 года по декабрь 1980 года меня привлекали по линии Поисково-спасательной службы ВВС для обслуживания космических полетов. В основном, запусков и спусков космонавтов. Привлекали наряду с другими в качестве врача-десантника. Из двадцати одного запуска за это время мне пришлось пропустить только три. В октябре 1976 года (Зудов — Рождественский на «Союзе-23») и в июле 1978 года (Коваленок — Иванченков на «Союзе 29» — «Салюте-6») и Климук — Гермашевский на «Союзе-30» — «Салюте-6»). В этих командировках мне приходилось встречаться и с нашим земляком (почему-то до сих пор в Туле не стоит его бронзовый бюст, как положено человеку, имеющему две Золотые Звезды Героя?), космонавтом Поляковым Валерием Владимировичем, в то время также принимавшим участие как врач в поисково-спасательных работах. К сожалению, с ним мне приходилось быть в разных точках дежурств. Встречались исключительно мельком. Ни я его, ни он, тем более, меня не помним.

Начну эти воспоминания о странных, невероятных совпадениях.

Первое совпадение. Один и тот же человек входил в экипаж как первого (неудавшегося, завершившегося аварийным спуском полета — об этом дальше), так и декабрьского восьмидесятого года полета (не поднимается рука — «последнего»), в обеспечении которых мне приходилось участвовать, бортиженер Олег Макаров...

Второе совпадение. В том же декабре восьмидесятого командиром «МИ-8», на котором я летал, был человек с инициалами... МНА. Мозговой Николай... Алексеевич. Мало? Дежурили мы тогда на военном аэродроме «Домбаровский» в Оренбургских степях. Экипаж «Союза-3-М» (Кизим — Макаров — Стрекалов) совершил посадку 10 декабря. Нас из-за непогоды и позднего времени не выпустили на Кустанай. Одиннадцатого декабря. Мозговой и я (естественно, со всем экипажем) отметили... наши дни рождения, равняющиеся, аккурат, возрасту Христа... Оба мы, Стрельцы, появились на свет в год Кабана, 11 декабря 1947 года.

Третье совпадение. Помните, нелепой гибелью трех космонавтов (Добровольский — Волков — Пацаев) завершился полет «Союза-11» в июне 1971 года. Первым, кто оказался у спускаемого аппарата и открыл крышку люка, был врач-десантник (первого или второго выпуска Томского военмедфака) по фамилии... Дураков. Взявшего после этого фамилию жены...

Итак. Первая моя «работа». 5 апреля 1975 года. Запуск космического корабля «Союз-18-1» с космонавтами Лазаревым В. Г. и Макаровым О. Г. Позывной — «Урал».

Для меня все было ново, незнакомо, жутко интересно, престижно, в конце концов. Стоять, пусть и не у истоков, но почти на переднем крае того, чем мы «были впереди планеты всей».

На борту «АН-24» мы (я и подчиненные мне, прапорщик и два солдата из ПСС ВВС) летели встречным параллельным курсом траектории запуска на высоте где-то шести тысяч метров в сторону космодрома «Байконур». Прапорщик и солдаты (ветераны ПСС) мирно дремали в грузовом отсеке. Парашюты и наше снаряжение лежали в сумках. Нерасчеленные, упакованные для транспортировки. Я переходил от иллюминатора к иллюминатору, заглядывал в кабину к летчикам, лез ко всем с разными вопросами.

Шутки-прибаутки. Штурман подтрунивает надо мной, над моей любознательностью. Экипаж занят привычной, рутинной работой. Очередной раз подойдя к иллюминатору, удивляюсь, что земля резко накренилась влево и мы стали разворачиваться на противоположный курс. Ничего не понимая, думая, что все, работа на этом закончена, и мы летим на аэродром взлета, оборачиваюсь к борттехнику с каким-то пустяшным вопросом.

Он отмахнулся. Затем выругался трехэтажным.

— Вот те раз — приплыли!

В это время из кабины выходит командир и сразу на повышенных тонах, заглушая шум двигателей.

— Вы, таку и таку мать, почему без парашютов? Быстро приготовиться к десантированию!

Вначале я подумал, что это розыгрыш, обычная летческая подначка.

— Авария — у них.— Со вздохом, обычным голосом добавил он.— Наверное, придется вам прыгать.

Да, первая работа и сразу в пекло. Но, прыгать, так прыгать. Первый раз, что ли? Затем нас, врачей-десантников и прикомандировывают к летчикам, что с нашей квалификацией у них нет таких врачей-прыгунов.

Помогая друг другу экипироваться для десантирования, мы (группа ПДГ — парашотно-десантная группа — из четырех человек: я — с медицинской сумкой неотложной помощи и ключами от крышки люка спускаемого аппарата; прапорщик с какими-то приборами и пистолетом; солдаты с имуществом и автоматами) не заметили как самолет снизился до тысячи метров. На земле уже стояла ночь, хотя на высоте и светило солнце.

Подойдя к нам, борттехник прицепил карабинчики вытяжных наших парашютов к тросу.

— На боевом! Скоро прыгать!

Загорелся красный плафон. Открылся люк, из которого в тепло салона самолета дохнуло... чем, вот там дохнуло-то?

— Аккуратней при приземлении! — борттехник нас перекрестил.— С Богом!

И... люк захлопнулся. Красный плафон фонаря погас.

— Москва запретила прыгать,— пояснил командир.— Космонавты обнаружены. Не хватало еще десантуру угробить. Внизу — ночь, горы, ветер под двадцать метров.

Самое интересное, драматическое, трагическое и комичное началось с раннего утра следующего дня...

Все силы, участвовавшие в спасении космонавтов, были сосредоточены на аэродроме города Семипалатинска. Среди них — несколько групп ПДГ с врачами-десантниками. Самолеты «АН-12», «АН-24», вертолеты «МИ-6», «МИ-8». Всю ночь с космонавтами, совершившими аварийную посадку, поддерживалась устойчивая связь. Над местом, где они находились, постоянно на большой высоте кружился один из самолетов-ретрансляторов, обеспечивая связь с Москвой. На спускаемом аппарате работал радиомаяк и световой маяк, вроде большой ГАИшной мигалки.

На КП военных летчиков всю ночь шла непрерывная кропотливая работа по выработке решения, как спасти космонавтов. Под утро командующий ВВС военного округа (как тогда назывался округ — не помню, то ли Средне-Азиатский, то ли еще как, не суть важно) оглашает перед всеми участниками предстоящей работы решение.

— Первыми к космонавтам прыгает ПДГ с такого-то вертолета. Как только расцветет — готовность к взлету. Вопросы есть?

Не надо ходить в театр. Не надо смотреть Николая Васильевича. Его финала бессмертного «Ревизора». Когда на вопрос командующего ВВС прозвучал ответ старшего лейтенанта медицинской службы Сашки Рубановского, врача нашего Тульского батальона связи, которому предстояло первому оказаться у космонавтов, совершив парашютный прыжок во главе своей ПДГ. Для этого, для подобных случаев, нас (ВДВешников) и привлекали в Поисково-спасательную службу (ППС ВВС).

— А наши прашюты (Д-1-8) не приспособлены для прыжков с вертолетов «МИ-8»!!!

Немая сцена (вот, он — «Ревизор»). Все в шоке. Командующий ВВС, наполовину поднявшийся со стула, так и застыл в непривычной, неудобной позе. Полковники Чеканов и Леонов, старшие военные медики из штаба ВВС страны разглядывают Рубановского, готовые живьем тут же проглотить его. Тишина, мертвая тишина стоит пять, десять, пятнадцать, двадцать секунд.

Да, отчубучил, Санек. Позор на все ВДВ. На всех врачей-десантников. Надо спасти наше высокое реноме. Поднимаюсь с места и безапелляционно заявляю (энтузиазма, наглости, бесшабашности, молодости — девать некуда):

— Лейтенант Макаров. Воздушно-десантные войска! Готов прыгать!!!

Поднялся невообразимый гвалт. Все с облегчением вздохнули. Рубановский смотрит на меня как на смертника.

— Доктор, бери машину,— это голос командующего ВВС округа,— перевозки свое имущество с самолета на вертолет. Пойдешь с ПДГ своего... коллеги. Тьфу, твою мать.

На все про все ушло около часа. Пока я вернулся со стоянки «АН-24», было принято совсем другое решение. Космонавтов поднять лебедкой, зависнув одному вертолету над ними. ПДГ Рубановского, также зависнув, на лебедке десантировать (есть такой способ десантирования — «с вису») с другого вертолета неподалеку. Москва дала «добро».

Все вертолеты, один за одним, поднялись в воздух. Все начальство разместилось на «Вышке». «АН-12» кружил на восьми тысячах метров. «АН-24» находился на стоянке. Моя ПДГ осталась не у дел, удобно разместившись на стульях в помещении, где совсем недавно бурлили страсти о принятии судьбоносного решения.

Так что все дальнейшее, все этапы спасения космонавтов проходили на моих глазах. Вернее сказать, о всех этапах, о всех действиях, о всех разговорах по рации я слышал. Громкоговорящую связь никто не удосужился выключить.

Итак. Началось. Внимание! Приготовились?

Докладывает командир эскадрильи «МИ-8» полковник (или подполковник?) Кондратьев, первым подлетевшим к месту предстоящей работы.

— Вижу объект! Лежит на крутом склоне горы. Купол зацепился за деревья. На спускаемом аппарате сидят: один, два... три исследователя (это так в открытом эфире называли космонавтов — конспирация, называется, однако) и курят.

Вначале все внимание и здесь на КП, и в Москве было обращено на последнее (помните, Штирлица?) слово: «Курят!». Откуда у космонавтов сигареты в космическом корабле? Может еще и водку пьют? Затем разом до всех дошло: «Трое!»

Откуда? Кто? Белены вы там, тра-та-та, объелись? Запускали-то двоих? Уточнить, тра-та-та! Доложить, тра-та-та! Может это — Снежный человек? Может китайский шпион? Граница-то рядом. Может сбежавший зэк? Кто там еще может третьим быть? Забыли, забыли самый народный вопрос: «Третьим — будешь?»

Докладывает командир второго вертолета.

— ПДГ десантировали лебедкой в пятистах метрах от объекта.

Докладывает Кондратьев.

— Все вертолеты, — а их было пять или шесть, — летают вокруг скалы с объектом, на котором сидят три исследователя. Что делать?

Опять: откуда трое? Тра-та-та. Паника, да-да, настоящая паника в эфире, на КП аэродрома Семипалатинска, в Москве. Везде — паника. И никто, ни на КП аэродрома Семипалатинска, ни в Москве, никто не принимает решения как же все-таки эвакуировать исследователей (космонавтов то есть; трех космонавтов, сидящих на спускаемом аппарате и раскуривающих, чего они там курят, ожидающих помощи. Не май месяц и не Сочи — холодно).

Вертолеты продолжают кружить вокруг этой чертовой скалы, в ожидании команды для непосредственной работы. Которой все нет и нет. Космонавтам-то — что? Подождут! А ты попробуй прими какое-то решение! Снимать, как раньше планировалось, лебедкой зависнув над ними? Склон слишком крутой! Мало ли что экипажи вертолетов самые опытные во всем округе, все мастера или первого класса. Своя-то попа ближе. И роднее. Ни Семипалатинск, ни Москва не могут решиться отдать четкий приказ об эвакуации двух... все-таки трех исследователей.

Докладывает командир второго вертолета.

— ПДГ находится от объекта в полутора-двух километрах!

Колоссальное достижение: всего тридцать-сорок минут назад они от объекта были в пятистах метрах. Прогресс на лицо.

Вдруг в эфир врывается чужой голос:

— Посторонись! Не мешай работать!

Голос Кондратьева:

— Незвестный вертолет «МИ-8», нарушая наши ряды, буром (!) подлетел к объекту. Завис! Снимает!!! Первый космонавт (какая, к черту конспирация, когда из-под носа нахально умыкают какие-то самозванцы их спасаемых) поднят!..

Второй поднят!!! Третий поднят!!!

Все-таки была надежда, теплилась в головах начальников и командиров всех рангов, что сведения о третьем «космонавте» — массовая галлюцинация, ну, в крайнем случае, затянувшаяся первоапрельская шутка. Но если подняли, если третий космонавт уже в вертолете. Неизвестно каком, правда, вертолете. Неизвестно куда, правда, улетевшем. Ищи теперь их свищи.

Ребус на ребусе. Шарада на шараде. Головоломка на головоломке... Пойди разберись.

В это время из Москвы прилетает «ТУ-134» или «ЯК-40» (не помню) с генеральским усилением. Космонавт Леонов — был. Космонавт Шаталов — был. Береговой? Не помню.

Махнув рукой на доклад командующего ВВС округа, вся группа усиления (контроля-разноса) поднялась на «Вышку», откуда, обматерив (как только умеют материться летчики и космонавты) оконфузившихся горе-спасателей также минут через десять улетела в неизвестном направлении.

«Контора Глубокого Бурения» доложила четко, кратко, недвусмысленно.

«Третий космонавт» — лесник из «МИ-4», их же лесничего вертолета, рано по

утру летевшего куда-то по своим лесничим делам. Заинтересовавшись неизвестным природным явлением они высадили для выяснения пожароопасности одного своего коллегу. А не сообщили по одной, вернее, по двум причинам: полет был слегка пахнувший «левизной», плюс ко всему второй месяц рация на вертолете барахла.

«Буром» снявший космонавтов вертолет «МИ-8» оказался из ведомства «стратегов» (войск ракет стратегического назначения), летевшего толи на «точку», толи с «точки», толи по каким-то своим амурным делам. Видя нерешительность ВВСников, решили «утереть им нос». Что и проделали виртуозно и мастерски, имея всего второй класс мастерства.

Докладывает командир второго вертолета. Про которого в этой суматохе все забыли.

— ПДГ пропала из вида. Координаты неизвестны!

Об этом, конечно, в Москву докладывать не стали, обнаружили и «спасли» в этот же день, к вечеру...

...По траектории запуска космонавтов от Байконура до Караганды существовали ППКП (передовые передвижные командные посты), в состав которых входили множество всяческих подразделений. В том числе и наши десантные ПДГ. До предыдущей, аварийной посадки восточнее Караганды поисковиков обычно не было. Учитывая печальный апрельский опыт, двух врачей-десантников решили перебросить (и перебросили) самолетом «АН-12» в Семипалатинск. Один врач остался в Семипалатинске, второй — на «МИ-4» перелетал дальше, восточнее, в Усть-Каменогорск. Меня назначили старшим (в Армии таков порядок: если двое, то один из них обязательно старший) группы.

Высаживают нас на аэродроме Семипалатинска через грузовой люк, не глуша двигателей. Мы стоим на бетонке, пересчитывая свои вещи: личный баул — на месте; парашютная сумка с основным и запасным парашютом — на месте; вещмешок с ключами и десантной формой — на месте, медицинская укладка (более 30 кг) — на месте. Все? Вроде, все!

Но какой-то неприятный осадок на душе остался. Все на месте, а чего-то не хватает.

«АН-12» в воздухе: обратным курсом на Караганду. За нами подошел автобус, чтобы отвезти на местное КП. Загружаем свой багаж. Все? Вроде бы все! Да, не все. Только сейчас мы осознаем, что оставили в самолете, в гермокабине кислородные аппараты «Горноспасатель» для искусственного дыхания. Которыми обеспечили всех врачей-десантников в Рязани (вся наша экипировка происходила на базе Рязанского парашютно-десантного полка Тульской дивизии).

Забыли! Т. е. — приплыли!!! Есть такая картина у Репина.

На КП находим старшего врача местного полка летчиков. И я прошу его помочь: стонять быстренько в областную больницу (у них, наверняка, такие аппараты имеются в наличии) и попросить парочку всего на сутки. Он округлил глаза, уставившись на нас, как баран на новые ворота.

— Да, вы что, ребята? Если бы у нас были эти «Горноспасатели», вас бы сюда и не прислали.

Ситуация!!! Да, еще: мое время вылета в Усть-Каменогорск — через десять минут.

Ситуэйшен!!!

Слыша наш разговор о забытых каких-то «Горноспасателях» в самолете, к нам обращается солдат в теплом свитере, сидящий за столом, уставленный приборами, микрофонами разными.

— Забыли что?

— «Горноспасателей» в самолете забыли, — поясняет им местный военный эскулап.

— Проблем нет! Сейчас вернем самолет!

Мы на этого солдата уставились как Волька ибн Алеша на старика Хоттабыча, увидев его чудеса впервые. Солдат-диспетчер (потом выяснили), что-то переключил, шелкнул тумблер и по громкой связи пошел разговор.

— Машка! Верни-ка обратно «АН-12», который только что взлетел. Передай им что в самолете забыли горноспасателей.

Через несколько долгих, ох, каких долгих секунд, раздается голос этой неизвестной Машки:

— Они говорят, что всех горноспасателей только что высадили.

Солдат-диспетчер смотрит на нас в недоумении. Я ему разъясняю быстро, что «Горноспасатели» — это такая аппаратура в алюминиевых маленьких чемоданчиках. Которые стоят, вернее, которые мы забыли в гермокабине самолета.

Он тут же передает эти сведения невидимой Марине и через двадцать минут самолет возвращается обратно. Борттехник, буквально на ходу в грузовой люк выбрасывает наши забытые «Горноспасатели», сквозь шум работающих моторов, обещая разобраться с нами по всей строгости революционной беспощадности в Караганде. По нашему возвращению.

Быстро пересев на «МИ-4» улетаю в Усть-Каменогорск. Мой «подчиненный» остается в Семипалатинске. Старт 24 мая 1975 года «Кавказов» (Климук П. И. и Севастьянов В. И.) прошел штатно!..

На следующий день за нами прилетает вновь «АН-12», чтобы лететь в Караганду. Меня одолевают грустные, тягостные расчеты. Сколько же с меня «сдерут» (кроме, естественно, единственной шкуры) за тот расход горючки, что истратил самолет по моей вине (старший отвечает за все!), за его незапланированное возвращение с забытыми «Горноспасателями»? Во что это мне выльется?..

Вылилось это все для меня в ноль семьдесят пять «Трех семерок» для экипажа «АН-12». Недостающее чуть-чуть количество до дюжины экипаж выставил сам...

...О двух курьезных случаях в Караганде. В той, далекой, семьдесят пятого года Караганде, во время полета «Кавказов» и стыковки «Союз» — «Аполлон».

...Захожу в книжный магазин. Целый стеллаж заставлен страшным дефицитом. В зеленой, изумрудной обложке на шести полках стоял... Сименон (!!!) Никакой давки у этих полок не было. Вообще не было никого у этих полок (!!!). Десять, ровно десять, беру книг и подхожу к кассе, на ходу доставая деньги.

Кассирша (я в начале не понял почему) ехидно так улыбается и задает мне вопрос:

— А вы на казахском языке умеете читать?..

...Полет «Кавказов» растянулся более чем на два месяца и ко мне во время отпуска на несколько дней прилетела жена. Пошли с ней в центральный универмаг, в отдел «Ковры» (каких там только ковров не было — в России мы такого изобилия ковровых изделий никогда не видели!). Народу... — никого! Выбрали подходящий, под цвет обоев, три на четыре. Взвалив ковер на плечо, подхожу с женой к кассе. Опять та же ехидная улыбка.

— А у вас Карагандинская прописка имеется? Талончик на ковер имеется?..

...Хохму хотите?

Случилось это в Кустанае, жарким летом. Полет у космонавтов длительный — все на орбите идет нормально. Штатно. Никаких неожиданностей и неприятностей не ожидается. Тьфу-тьфу-тьфу. Готовность у нас — третья. Вторая — только на первые три суточных витка, приходящиеся на ночное время.

И мы активно отдыхаем. Доотдыхались так, что сидя в номере гостиницы и поднимая очередной тост за удачный полет, вдруг слышим:

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Кроме одного из нас, все были предупреждены о том, что в шкафу поставлены часы с кукушкой. Поставил их туда доктор медицинских наук Г. И. Б. (сегодня он — настоящий Академик настоящей Академии медицинских наук, с которым я постоянно общаюсь до сих пор) из института Медико-биологических проблем, возглавляющий Московскую БНХП (бригада неотложной хирургической помощи).

Поднеся емкость со спиртным ко рту, этот несведущий наш коллега, замер. Посмотрел на нас затравленным взглядом и сказал:

— Мужики, а вы ничего не слышали? Постороннего?

Все стали его уверять, что, дескать все нормально, все о'кей. Не стоит волноваться и т. д. и т. п. Пятнадцать минут пролетели быстро.

Г. И. Б. произносит очередной предпоследний тост. Все готовы этот такой нужный тост поддержать...

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Все выпили, кроме одного...

— Не, мужики, вы и вправду ничего не слышали?

Проходит еще пятнадцать минут. Новый предпоследний тост. Все поддерживают, никак не реагируя на посторонние звуки, еле сдерживая смех:

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

— Все! Допился! Галлюцинации слуховые пошли...

...На утро, за этим же столом собрался весь личный состав вчерашней субботней вечеринки, чтобы переложившись слегка пивком, решить проблему воскресного дня.

Только поднеся ко рту бутылку с «Жигулевским» пивом наш бедолага слышит, но слышит из уст Г.И.Б.:

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Нет, в обморок он не упал, но долго сидел потрясенный тем, что все-таки у него не было галлюцинаций. Слуховых...

...Это — послеполетная история.

На сборах, на самых первых сборах, когда нас обучали всем премудростям поисково-спасательной службы, нас информировали, что в Рязани (в Рязанском парашютно-десантном полку собирались все врачи-десантники со всех дивизий, чтобы дальше разлетаться по своим точкам), наряду с другим имуществом нам будет выдаваться и медицинская укладка. Укладка, в которой обязательной сдаче после возвращения подлежат только аппаратура, инструментарий и сильнодействующие препараты (даже таблетки от кашля с кодеином не входили в этот список). А все расходное имущество списывается медицинской службой ВВС. И этим, расходным медицинским имуществом мы можем распоряжаться как хотим (!).

Однажды, после очередной командировки, этого самого расходного имущества, у меня по разным причинам не оказалось совсем. Сдавал в аптеку медпункта в Рязани чехол, тонометр, фонендоскоп, инструменты, сильнодействующие препараты, пустую флягу от спирта. Все, что положено сдавать, то и сдал.

Надо отметить, что медслужба полка на этих самых сданных расходных материалах, принадлежащих ВВС и списанных заранее, что-то естественно, имела. А здесь, здрасте, облом у них со мной вышел.

Начальник медицинской службы полка, старший лейтенант Володька Зубрицкий, на год раньше меня закончивший Томский факультет, начал на меня насаждать, угрожая устроить веселую жизнь.

Чуть ведь не устроил.

Через пару недель приходит депеша из Рязани начальнику медицинской службы дивизии полковнику (получил в связи с 30-тилетием Великой Победы) Крапивному, что старшим лейтенантом Макаровым Н. А. утеряны медикаменты и перевязочный материал. Подпись. Печать. Гербовая. Список утерянного прилагается.

Вызвав меня и вручив этот самый список, Крапивный напутствовал:

— Иди к снабженцам, они подсчитают ущерб.

Снабженцы подсчитали. Если по правилам, учитывая каждую таблетку, каждую ампулу, каждый бинт — сумма выходила в четыре моих месячных оклада, плюс звание, плюс надбавка. Если по «понятиям», т. е. учитывая только номенклатуру (название) и взяв все по одной единице учета, получилось всего сорок рублей. По тогдашним временам приличная для старшего лейтенанта сумма.

На такую сумму (сорок рублей) мне и выписали квитанцию, чтобы я у себя в полку в кассе финчасти оплатил надлежащим порядком.

Все равно удрученный, после обеденного перерыва, перед тем как идти на службы, захожу в аэропорт. В буфете у стойки вижу: начальника финансовой службы полка капитана Саратовского Николая Самсоновича и двух прапорщиков.

— Доктор, иди к нам! — протягивает мне стакан с одной четвертой частью ноль семьдесят пять «Трех семерок», — что грустный-то?

Объясняю. Он берет у меня квитанцию. Дает деньги. Говорит:

— Иди, возьми еще одну!

Иду. Приношу еще одну ноль семьдесят пять «Три семерки». Прапорщик разливает. А Самсоныч, начфин рвет мою квитанцию со штрафными санкциями и клочки выбрасывает в урну. Пораженный до глубины души, я еле мог выдать:

— А как же?..

— Ты пей-пей! Штраф, считай уже заплачен. И отправлен в Рязань! — под смех прапорщиков, поднимаем стаканы.

— Да, кстати, зайди в финчасть. Распишись. И получи. Пришел приказ из ВВС, как лучшего поисковика дивизии поощрить тебя пятьюдесятью рублями. С вычетом подоходного налога...

...В заключении пару небольших штришков.

...25 февраля 1977 года. Посадка «Тереков» (Горбатко В. В и Глазкова Ю. Н), проводших в космосе 18 суток на «Союзе-24» — «Салют-5». За окном буран, как у Пушкина в «Капитанской дочке». Первый виток — буран. Второй виток — полный штиль. Мягкое приземление в районе Целинограда. Штатная управляемая посадка. Третий виток — буран. Разъяснение: управляемая посадка космических спускаемых аппаратов проводится только в первый, второй и третий суточный виток; в остальные — пятнадцать витков — происходит неуправляемый баллистический спуск.

Космонавт Горбатко спрашивает:

— Доктор, где я тебя раньше видел?

— В семьдесят четвертом в Туле я у вас брал интервью...

— Помню!.. Помню!..

... 3 сентября 1978 года. Посадка «Ястребов» (Быковский В. Ф. — Йен 3. — ГДР), проводших в космосе 8 суток на «Союзе-31» — «Салюте-6» — «Союзе-29». Т. е. взлетевших на «Союзе-31», а посадку произведших на «Союзе-29», в районе Джезказгана. Жара — далеко за тридцать.

Сразу после приземления космонавт Быковский просит:

— Ребята, закурить найдется?

— Как же врачи, ваши, московские?

Жадно затягиваясь солдатским «термоядерным» «Памиром», все мокрые от пота, зайдя за спускаемый аппарат, они с наслаждением смакуют первые клубы дыма.

— Обойдутся! Их бы — туда!..